

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЧЕТЫРЕХ СТАТЕЙ БЕЛИНСКОГО О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Статья Г. Черёмина

Вопрос об отношении Белинского к русской народной поэзии является, как известно, одним из наиболее сложных вопросов изучения теоретического наследия великого критика. Разрешению этого вопроса в известной степени может способствовать тщательный анализ самого текста соответствующих статей Белинского, в первую очередь сохранившегося рукописного текста. Наиболее содержательными с этой точки зрения являются наборные рукописи третьей и четвертой статей Белинского по поводу сборников Кириши Данилова, М. Суханова и И. Сахарова («Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым...» и пр.), хранящиеся в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (шифр — М3322/б). Эти рукописи¹ — благодарный материал для исследователя не только из-за наличия в них позднейшей авторской правки, дающей возможность проследить отдельные моменты идейной эволюции Белинского на протяжении 1840-х годов, но и по ряду имеющих в ней вариантов, оставшихся до сих пор неизвестными. Часть вариантов авторского текста дает представление о ходе мысли Белинского и его работе над словом. Другая часть, возникшая в результате правки Краевского и цензурных изменений, отчетливо выявляет характер искажений, которым подвергались статьи Белинского, напечатанные в те годы.

Указанные рукописи Белинского, весьма значительные по своему объему (они содержат в общей сложности 166 листов) и местами трудно читаемые, не подвергались до сих пор детальному обследованию. Обе статьи в их подлинном виде в печати еще не появлялись. В советские издания они пока не вошли, а дореволюционные публикации, изобилующие искажениями и опечатками и механически включавшие постороннюю правку в текст Белинского, — неудовлетворительны.

Ввиду отсутствия рукописей первой и второй статей, возможности обследования их текста очень ограничены. По всей вероятности, он претерпевал, в основном, аналогичные изменения, и многое из сказанного ниже о рукописях третьей и четвертой статей могло бы быть отнесено и к двум первым.

В настоящей работе, не претендующей на исчерпывающую полноту анализа указанных рукописей и печатного текста, мы отмечаем лишь наиболее важное и существенное, с нашей точки зрения, для характеристики идейных позиций и творческого процесса Белинского.

Редакторы юбилейного издания «Семь статей В. Г. Белинского» (М., 1898) П. А. Ефремов и В. Е. Якушкин, указывая, что текст некоторых статей критика «имеет иногда по четыре последовательных редакции», имели в виду при этом, несомненно, и рукописи третьей и четвертой статей

о народной поэзии. Впоследствии С. А. Венгеров прибавил к этим четырем редакциям пятую (VI, 607).

Однако такое разграничение, как мы увидим ниже, не совсем точно. Правильно будет различать (считая и публикацию Венгерова) семь последовательных редакций обеих статей: четыре рукописных (из них три авторских) и три печатных. Печатный текст первой и второй статей имеет три редакции (3-я, 6-я и 7-я — по нашей нумерации).

Рассмотрим перечисленные редакции в хронологическом порядке, попутно воспроизводя наиболее интересные варианты, доселе не появлявшиеся в печати.

1-я (основная) редакция

Это — рукопись Белинского, какой она была в самом начале (октябрь — ноябрь 1841 г.), когда «после поправок и переделок <каждая> статья была сдана <автором> для напечатания» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI). Первоначальный текст написан чернилами (в настоящее время имеющими темнокоричневый цвет), гусиным пером (что особенно заметно в горизонтальных штрихах при вычеркиваниях), крупным, размашистым почерком с исправлениями в процессе работы. Часть этих исправлений и вставки (относящиеся ко времени написания) сделаны тем же пером, но более мелким почерком. В ряде мест обеих статей встречаются значительные куски зачеркнутого и исправленного текста, свидетельствующие о напряженных поисках Белинским нужной ему формулировки.

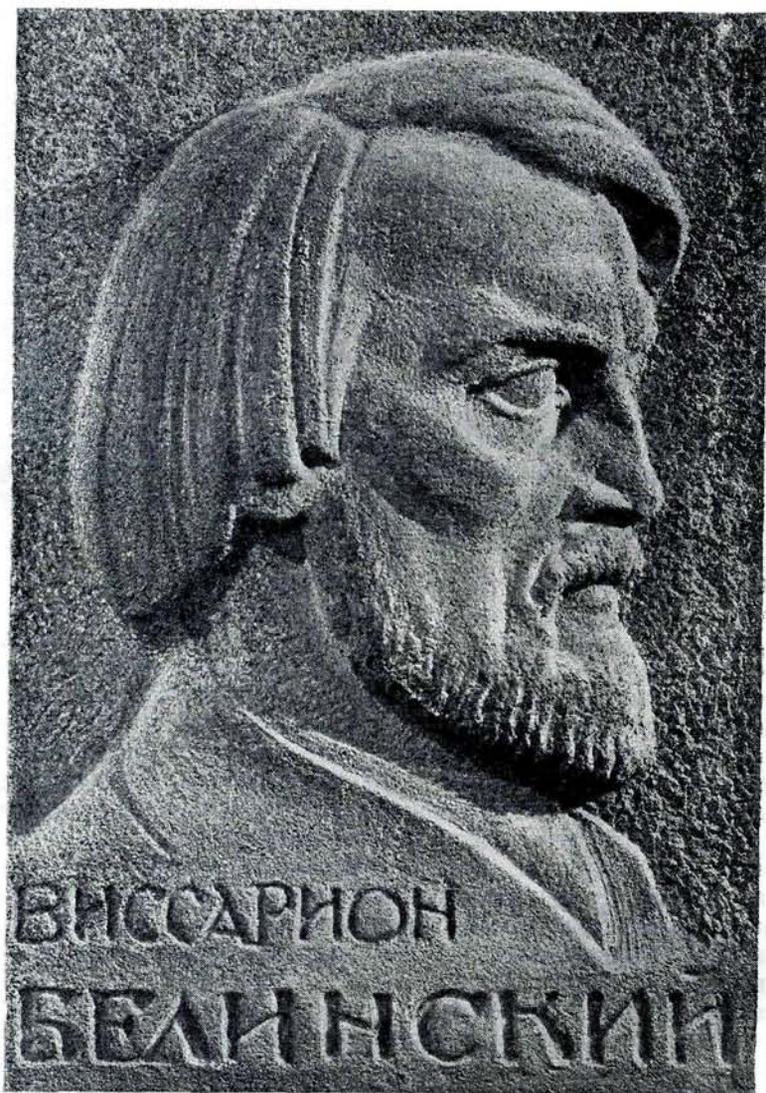
Основной редакции соответствует и первоначальная нумерация листов рукописи, сделанная теми же чернилами и пером, рукой Белинского.

Ряд вариантов основной редакции, отвергнутых Белинским еще на этой стадии работы, представляет значительный интерес.

Разбирая (в ст. третьей) былинку «Три года Добрынюшка стольничал» (из сб. Кирши Данилова, М., 1818) и — как всегда в этих случаях — обобщая свои выводы, Белинский отметил, что «русский человек² не тороплив на мщение» (лист рукоп. 66/67³). Это целиком соответствует контексту (стр. 404)⁴; но полагая, видимо, что такая социально-острая формулировка все равно не появится в печати, он написал вместо «человек» — «богатырь». В той же статье в изложении другой былинки (стр. 398) вначале было написано: «Чурила Пленкович — щеголь, франт, живет *аристократом*» (л. р. 57). Однако такое определение звучало чересчур «современно» для 1840-х годов, и Белинский поставил вместо него не возбуждавшие никаких неудобных ассоциаций слова: «как сатрап восточный».

Не менее показательна и судьба некоторых формулировок, касающихся событий отечественной истории. Так, характеризуя (в ст. четвертой) особенности исторического развития России, Белинский поставил вначале после слов «смуты междоусобия» (стр. 476) — «наконец, необходимая, но тяжкая реформа Петра», но потом зачеркнул (л. р. 65). Это не увидевшее света высказывание Белинского особенно любопытно, учитывая восторженную оценку, которую он вообще давал преобразованиям Петра I; как видим, наряду с этой оценкой, Белинский уже в то время ясно сознавал, что петровская реформа была тем не менее *тяжкой* для народа.

Заслуживает внимания первоначальная характеристика (в той же статье) общественного строя древнего Новгорода (в рукописи эти строки основательно вымараны и с трудом поддаются расшифровке). Вместо строк: «Но сделавшись купеческим городом...» и т. д. (стр. 443) сперва было: «...Но сделавшись [*купцами, новгородцы не сделались промышленниками в смысле фабрикантов и мануфактуристов. От этого у них не возникли и не развились элементы муниципальной гражданственности, не было цехов, не было определенного разделения классов*] [*торговой республики*]. [*Все были купцами и торговали на авось и на удачу, без всяких понятий о*

БЕЛИНСКИЙ

Барельеф работы Н. А. Андреева, 1920 г.

Третьяковская галерея, Москва

кредите, о вексельном праве, словом, без всякого европеизма в то<рговле>] [просто], по-азиатски» (л. р. 8). Здесь интересна мысль о том, что наличие «муниципальной гражданственности» обусловлено экономическими факторами — мысль, исчезнувшая при дальнейших исправлениях этого места.

Из сопоставления некоторых первоначальных вариантов с окончательными вырисовывается стилистическая сторона работы Белинского над текстом обеих статей.

Создавая свое полужизложение, полуперевод «Слова о полку Игореве» (в ст. третьей), Белинский вместо бывшего вначале «*шелома*», изменяет «*гремят сабли о шелома*» на «звучат...», «*итти* дождю стрелами» — на «*литься...*»; сперва было (в двух местах): «Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене, *восклицая*»; потом последнее слово (в обоих случаях) было переделано на «аркучи». Другая известная строка из того же плача Ярославны у Белинского вначале звучала так: «О ветер, о ветер! зачем, *государь*, так сильно веешь?» Затем вместо «государь» появилось «господине» (л. р. 13 и 18). Сходная правка имела место и в четвертой статье — в пересказе Белинским содержания псевдонародной сказки об Акундине; слова: «*спрашивать*», «*войска*» (род. п. ед. ч.), «*убегаючи*» соответственно заменяются на «пытать», «силы ратной», «утекаючи» (л. р. 37).

Из этого видно, что Белинский, стремясь придать большую художественность изложению, обращается к языку «Слова...», использует образные выражения народной поэзии.

2 - я редакция (правка Краевского)

В рукописях третьей и четвертой статей встречается правка, сделанная чернилами, которые имеют в настоящее время светлорыжий цвет (они, повидимому, выцвели), тонким (очевидно, стальным) пером, мелким почерком. Процент этой правки невелик по отношению к объему самих статей, но она все же составляет несколько десятков более или менее существенных исправлений, не считая мелких стилистических и грамматических поправок. Вся указанная правка полностью воспроизведена в тексте «Отечественных записок» и, следовательно, сделана до напечатания обеих статей. Почерк и (как мы увидим ниже) характер этой правки показывают, что она целиком принадлежит Краевскому (кстати сказать, правка эта совершенно аналогична той, которая отмечена Ефремовым и Якушкиным в рукописи статьи «Сто русских литераторов», того же года, — как нанесенная рукой Краевского). Сюда же следует отнести, повидимому, и ряд карандашных исправлений, сделанных до журнальной публикации (см., например, VI, прим. 382).

Приводим наиболее характерные случаи искажения Краевским текста Белинского. Редактор-издатель «Отечественных записок» изменял прежде всего те места обеих статей, которые в более или менее явственной форме выражали протест Белинского против современной ему социальной действительности. Так, характеризуя (в ст. третьей, стр. 374) феодальные порядки в древней Руси, Белинский написал: «Удельная система была точь-в-точь то же самое, что *теперь помещицкая* система...» Краевский вычеркнул слово «теперь», а вместо нарочито презрительного — «помещицкая» поставил просто «помещья» (л. р. 23). В статье четвертой строки о положении крепостного крестьянства в России (стр. 476) вначале имели такой вид: «...Вспомните быт русского крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, так похожую на хлев, его поле, то орошаемое кровавым потом *своего владельца*, то пустое, незаасянное, или потоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою охотою *помещика*...» Маскирующая оговорка: «того времени», очевидно, показала Краевскому недостаточной. Стремясь ослабить политическое звучание этих строк, он заменил

«помещика» «боярином», а вместо слов «своего владельца», резко оттеняющих вопиющую социальную несправедливость, поставил: «его» (л. р. 65). Впрочем, и в смягченном виде эти «радищевские» строки не были пропущены цензурой. Говоря (в той же статье) о так называемых «разбойничьих» песнях и касаясь в этой связи самого «разбойничества» (стр. 474), Белинский утверждал, что «в подобных явлениях нет ничего унижительного для национальной чести, ибо в них виновато б ы з о е неустройство и шаткость общественного здания, а совсем не национальный дух». В этом заявлении, оправдывавшем народные массы и возглавлявшем (хотя и в очень туманной форме) ответственность за «подобные явления» на правящую дворянскую верхушку, словечко «было» вставлено Краевским (л. р. 64). Похожая вставка сделана им и в следующих за этим (несколько ниже) строках Белинского (стр. 474—475), где критик противопоставляет величие Ермака ничтожеству представителей придворной знати: «...скорее можно предположить человечность, благородство и возвышенность в покорителе Сибири, чем во многих из знатных [дворских]? тунаядцев старого времени и, богатых только [боярскою] спесью, невежеством и низостью» (л. р. 62).

Как видно из приведенных примеров, Краевский ослаблял высказывания Белинского, направленные против помещичьего гнета и дворянской государственности, тем, что обращал их в сторону исторического прошлого. Тем самым из гневных инвектив Белинского выхолащивалось их конкретное политическое содержание. Однако и экскурсы Белинского в область далекого прошлого были таковы, что вызывали в ряде случаев опасения у осторожнейшего и умереннейшего Краевского. В этой связи необходимо уточнить, что указанное Венгеровым зачеркивание строк об «узности» князем Владимиром «чужих вер» (VI, прим. 3236) произведено теми же чернилами, что и вся правка Краевского (л. р. 3) и, следовательно, принадлежит последнему. Ему же, вероятно, показалась чересчур смелой интересная попытка установить историческую преемственность между деятельностью Ивана Грозного и Петра I, предпринятая Белинским при разборе (в ст. четвертой) былины «Взятие Казанского царства». Здесь, после слов: «...Грозного — этого исполина телом и духом» (стр. 469) сначала следовало: *«этого предтечи и предвозвестника Петра Великого»*. Эта формула Белинского, который усматривал сходство между обоими историческими деятелями в их борьбе против «ограниченной народности», т. е. против косности и приверженности к «старине», препятствовавших их преобразованиям, была устранена Краевским (л. р. 53). Еще менее устраивало его, надо думать, упоминание о другой стороне личности Грозного (стр. 468), получившей отражение, в частности, в былине «Никите Романовичу дано село Преображенское», которая, писал Белинский, «содержит в себе сказочное описание исторического происшествия, касающегося до ужасной личности грозного царя — *убийства сына его Василия, смешанного [переименованного] в сказке, ради вящей исторической истины, с [с] Федором Ивановичем*». Считая, что не все поступки царей удобно называть своими именами, Краевский написал вместо указанного выше: «гнева его на сына» (ст. четвертая, л. р. 50). Очень показательно и другое место той же статьи — там, где Белинский пересказывает былину «Щелкан Дудентьевич» (стр. 465), в которой говорится между прочим о том, что царь Азвяк Таврулович в ответ на просьбу Щелкана «пожаловать» его «Тверью богатою» требует, чтобы Щелкан заколол своего сына и выпил его «крови горячая» («Древние российские стихотворения...», стр. 34). По этому поводу Белинский саркастически замечает: «Выполнив э т о г у м а н н о е желание царя...» и т. д. В рукописи слово «царя» вычеркнуто карандашом, «желание» переправлено на «требование» и вдобавок вставлено: «это» (л. р. 45). Таким образом, фраза потеряла свой «крамольный» характер. Постоянное противодействие Краевского указанным тенденциям

Белинского отражается на его правке даже в мелочах. Рассказывая (в изложении былины «Царь Саул Леванидович») о том, что царь Саул, намереваясь казнить угличан, позвал «запленного мастера» (стр. 425), Белинский подчеркивает эти два слова; Краевский унитожает подчеркивание Белинского (ст. третья л. р. 90), не желая, в противоположность ему, останавливать внимание читателей на этом моменте.

До чего доходила «бдительность» Краевского в отношении разных щекотливых тем, показывает следующий пример из третьей статьи (стр. 362). Указав на обилие искажений в имеющемся тексте «Слова о полку Игореве» и подчеркнув трудность восстановления всякого подлинного текста по с и с к у, Белинский писал в подтверждение своей мысли: «Кому случилось читать в *рукописных списках* ходячие по рукам поэмы Пушкина...» и т. д. Просматривая это место, Краевский заменил «рукописные списки» «рукописями» (л. р. 5). Эта замена отнюдь не носит стилистического характера, как может показаться на первый взгляд. Говоря о *рукописных списках*, «ходячих по рукам», Белинский прямо напоминал читателям о тех нелегальных или полулегальных произведениях Пушкина, которые таким путем получили значительное распространение. Упоминание же о рукописях выглядело в этом смысле вполне безобидно.

Наряду с выхолащиванием политического содержания и устранением «крайних мнений», правка Краевского характеризуется стремлением затупевать прямоту и резкость суждений Белинского. Категорическая форма высказывания заменяется предположительной, определенные оценки — зыбкими и расплывчатыми формулами, личные обороты — безличными. Вместо формулировки Белинского: «не стоит никакого внимания» Краевский пишет: «едва ли стоит внимания», вместо «есть» — «бывает», вместо «несомненно» — «вероятно», вместо «не понимаем» — «не понятно» (ст. третья, л. р. 88, 3, 15; ст. четвертая, л. р. 7) и т. д. В результате подобной правки была, например, совершенно искажена оценка, которую сам автор статьи дал своему замечательному переводу «Слова о полку Игореве». Белинский справедливо отметил, что его перевод «дает самое близкое понятие о „Слове...“», Краевский же придал этому заявлению «осторожную» форму: «...может дать довольно близкое...» (ст. третья, л. р. 24). Всячески приглаживая выражения Белинского, Краевский переправляет «безумную удаль» на «безрассудную...», «нехитрые следствия» — на «немудреные...», «доканали» — на «докончили» и т. п., вставляет в текст статей различные оговорки («и о к а», «т а к с к а з а т ь» и др.). Стилистические и грамматические исправления, сделанные редактором «Отечественных записок», носят мелочной и педантичный характер и зачастую обедняют яркий, образный язык Белинского.

К упомянутым видам исправлений, принадлежащих Краевскому, следует добавить указанные Венгеровым (VI, прим. 545 и 550), которые снимают негодующие высказывания Белинского об условиях его работы над этими статьями. Кстати, связанная с ними последняя фраза четвертой статьи приписана Краевским (л. р. 75).

После правки Краевского (в рукописи), образовавшей уже новую, смягченную и приглаженную, редакцию статей Белинского, обе они подверглись дальнейшим искажениям.

3-я (журнальная) редакция

Это — текст «Отечественных записок», 1841 г. (первая и вторая статьи — т. XVIII, №№ 9 и 10, ц. р. 30 авг. и ок. 30 сент.; третья и четвертая статьи — т. XIX, №№ 11 и 12, ц. р. 31 окт. и ок. 1 дек.). Он воспроизводит 2-ю редакцию третьей и четвертой статей и включает, кроме того, цензурные изменения и *вторичную редакторскую правку*, сделанную, очевидно, уже в корректурных листах (поскольку эта правка не получила никакого

отражения в рукописи) также Краевским. Наличие этой дополнительной правки до сих пор не учитывалось⁸. Цензуре она не могла принадлежать, так как состоит из мелких изменений стилистического порядка. Например, в рукописи третьей статьи: «принуждены были бы...» (л. р. 5); в журнале — «в о с с т а н о в и т е л ь принужден был бы...» («Отеч. записки», отд. V, стр. 6); в рукописи (той же статьи): «*Буйтур* составлено из слов *дикий* и *вол...*» (л. р. 11); в журнале — «...*дикий* (буй) и *вол* (тур)...» («Отеч. записки», отд. V, стр. 9, прим.); в рукописи четвертой статьи: «*неукротимую рьяностью*» (л. р. 17), в журнале — просто «неукротимостью» («Отеч. записки», отд. V, стр. 67) и т. д. Сюда же надо отнести и такое исправление. Белинский пишет: «...как ни мудри, а из ничего не добьешься ничего...» (ст. третья, л. р. 4). В тексте «Отечественных записок» (отд. V, стр. 5) оба глагола поставлены во множественном числе (вероятно, авторская формулировка была сочтена «невежливой» по отношению к читателям журнала). Почти аналогичное этому исправление сделано Краевским — в другом месте — еще в самой рукописи («Что ни говори...» — «Что ни говорят...»). Ст. третья, л. р. 23, ср. «Отеч. записки», отд. V, стр. 16).

Наряду с поздними редакторскими исправлениями в статьях Белинского, подобными указанным выше, из сопоставления рукописного текста с журнальным выявляются такие изменения, о которых невозможно в точности сказать, произведены ли они Краевским или цензурой. Наиболее интересным в этом плане является место из третьей статьи (сильно искаженное последующей правкой и не до конца восстановленное Венгеровым), где Белинский дает обобщенное толкование былинного образа Тугарина⁹: «...Неужели это идеал старинного русского любовника чужой жены, которому мало наслаждения — нужно еще и ругаться и ломаться над несчастным мужем <?>. Мы еще не раз встретимся с этим лицом, состоящим, как видно, на ролях *любовников* в репертуаре народного театра жизни: он еще явится нам и под другим именем, но всегда змеем. В его безобразном и безобразном лице [православный народ]¹⁰ осуществил (о с ь) *свое* сознание о любви, — и если этот русский дон Хуан [*или*] этот Ромео не совсем благообразен, — причина этому — *народное* созерцание чувства любви [*И потому просим не взыскать — чем богаты, тем и рады*]¹¹. Любовь до того б ы л а изгнана у нас из тесного круга народного созерцания жизни, что в самом браке [*является*] я в л я л а с ь каким-то чуждым [греховным] элементом [враждебным святости союза, освящаемого религиею]; вне же брака, она — бесовская прелесть, дьявольское навождение, нечистое вожделение змея Горыныча, преступная контрабанда жизни. Удивительно ли после этого, что эта любовь является в *наших* народных поэмах так цинически-чувственной, так оскорбительной и возмутительной для чувства, в таких грубых [*кабацких*] формах? Удивительно ли после этого, что любовник в *наших* народных поэмах является в виде змея, с характером хвостуна, наглеца [*ярыги*] и труса, а любовница [*является*] п р е д с т а в л я е т с я в виде [*харчевницы*] грубой, наглой и бесстыдной бабы с манерами и замашками площадной торговки и даже — как увидим это ниже — в виде колдуньи, злой ерет[*ницы*] и ч к и?» (л. р. 46; «Отеч. записки», отд. V, стр. 28—29; у Венгерова см. на стр. 391).

Этот отрывок является показательным примером обработки, которой, по-видимому, вообще подвергались «крамольные места» в статьях Белинского.

Как мы можем убедиться, карандашная правка этого места (которая полностью учтена в журнальном тексте) по своему характеру напоминает правку Краевского, сделанную в других местах рукописи чернилами: это — вставные оговорки («неужели», «как видно») и переадресовки в прошлое («старинного», «была», «являлась»), вычеркивание просторечных слов («кабацких», «ярыги», «харчевницы»), а также целой фразы.

Сопоставляя непрямой рукописный текст с журнальным, мы обнаруживаем эти замены: вместо «народное созерцание» в журнале стоит «особое»; вместо «наших народных» — «этих», «подобных»; вместо «нас» — «этих людей»; совсем исключено: «свое», «и замашками».

Уже самый факт изъятия слова «народный» и других цензурой или редактором «Отечественных записок» показывает, что резкие выпады Белинского были направлены именно против официальной «народности», которая предусматривалась известной уваровской формулой. Неслучайно здесь иронически говорится о «православном народе», который «осуществил свое сознание о любви...» Полемиически заостренное обличение «грубости» тогдашнего народного быта разрушало его патриархально-идиллическую трактовку, дававшуюся высокопоставленными ревнителями «народности» и их «учеными» подголосками вроде И. Сахарова (книги которого Белинский рецензировал в этих статьях)¹². Белинский ополчается здесь против всякого приукрашивания народной жизни («чем богаты, тем и рады»), намеренно стгущая краски.

Однако «грубость» народных поэм он связывает, в первую очередь, с «тесным кругом» народных представлений, с косностью условий существования, при которых любовь становится «преступной контрабандой жизни». Во всем этом важна, конечно, не своеобразная морально-эстетическая интерпретация Белинским фольклора сама по себе, а ее функциональная роль для эпохи 1840-х годов, ее конкретная социальная направленность. То, что она воспринималась именно в этом плане, еще раз подтверждается приведенным отрывком, который, как мы могли убедиться, появился в печати искаженным до неузнаваемости. Разумеется, резкие характеристики, данные Белинским, касаются отнюдь не народного характера как такового, а лишь бытовых уродств, порожденных вековыми гнетом. Ведь в этих же статьях Белинский несколько раз восторженно отзывается о высоких моральных качествах русского народа и о «необъятно-великой судьбе», его ожидающей. В четвертой статье Белинский прямо говорит, что «любовь на Руси могла быть не только поэтической, но даже и грациозно-поэтической» и что «чем богаче народ чувством, тем ужаснее видеть это чувство сдвинным неправильно развившеюся общественностью» <т. е. тогдашним социальным строем.— Г. Ч.> (л. р. 69).

Интересным примером корректурной правки в четвертой статье является замена употребленного Белинским выражения: «на пицу святого Антония» (л. р. 29) словом «голодает» («Отеч. записки», стр. 73; Венг., стр. 455).

В обеих статьях часть исправлений, сделанных в корректуре, имеет чисто стилистический характер, причем все они направлены в сторону обеднения языка Белинского: слова, обороты, формы, заимствованные из фольклорных источников (главным образом из сборника Кириши Данилова), заменяются обычными. Это видно из следующих примеров.

В рукописи:	В журнальном тексте:
любви	любви
зелены луга	зеленые луга
Алешке	Алеше
окошечко	окошко
али	или
ронил	ронял
воску	воска
лавицу	лавку
человечья	человеческая
Васинька	Василий
млада Васюшки	молода Василия и т. д.

Такая правка аналогична первоначальной (имеющейся в самой рукописи) правке Краевского: *годков* — годов, *муж* (в старинном значении слова) — человек и т. д. и, повидимому, также принадлежит ему. Но возможно, что указанные искажения, в отдельных случаях, являются следствием ошибок наборщиков.

Следует отметить, что журнальный текст обеих статей изобилует опечатками, нередко пропуски слов. Значительная часть подобного рода ошибок механически перешла в последующие публикации. В качестве примера можно указать на следующие вопиющие искажения мысли Белинского. В третьей статье вместо «самосознания» (л. р. 2) напечатано «самознания» («Отеч. записки», стр. 4; Венг., стр. 360). Таким образом, социально-исторический термин превратился в философско-мистический (но, может быть, эта замена произведена и сознательно Краевским). В четвертой статье, в фразе: «Какого же исторического содержания, какой исторической жизни можно требовать от русских народных песен, относящихся к эпохе до Петра Великого!» (л. р. 54) пропущено слово «до» («Отеч. записки», стр. 86; Венг., стр. 470)¹³.

В печатных воспроизведениях обеих статей особенно много искажений падает на тексты былин, которые Белинский, как правило, точно цитировал по сборнику Кириши Данилова (изд. 1818 г.). В результате в ряде случаев получается совершенная бессмыслица. Так, пересказывая былинку о Ставре-боярине, Белинский говорит (цитируя Киришу) о подготовке в Киеве к встрече посла «от грозна короля Етмануйла Етмануйловича»: «А и тут больно князь <Владимир> запечалился: *кидалися, металися*, то улицы метут, ельник ставили, перед воротами ждут посла...» (л. р. 83). В тексте «Отечественных записок» (стр. 52) и последующих изданий: «...кидался, метался...»; получалось, что эти слова относятся к князю Владимиру, тогда как на самом деле они относятся к слугам.

В другом месте Белинский приводит строки из былины «Алеша Попович» («Древние российские стихотворения», стр. 183):

В тридцать пуд шелепуга подорожная,
В пятьдесят пуд *налита* свинцу чебурацкого (л. р. 39).

Во всех печатных текстах («Отеч. записки», стр. 25) вместо «налита» — «палица».

Вместо «моего лады» (говорится о князе Игоре) печаталось «моей лады», вместо «кушанье... постное» — «...поспешное» (?), вместо «сскочил (т. е. соскочил) с коня» — «вскочил с (?) коня», вместо «сотряслося славно царство Индийское» — «...словно...», вместо «заткнул» (колчаны) — «затынул» (?) и т. д.

Что касается журнального текста первой и второй статей, то он также подвергался различным искажениям. Некоторые из них обнаруживаются при сопоставлении текста «Отечественных записок» с текстом Полного собрания сочинений Белинского в изд. Солдатенкова и Щепкина (о нем см. ниже), где при публикации в с е х четырех статей были использованы р у к о п и с и Белинского.

Из имеющихся разночтений (кроме указанных Венгеровым в примечаниях 281 и 284 к VI т.) заслуживают внимания следующие:

В первой статье Белинский отмечает, между прочим, что в литературе французского классицизма «Солдаты заговорили одним языком с полководцами, *земледельцы и поденщики* — с царями, слуги — с господами» и что поэты и теоретики искусства того времени «исключили из поэзии простолудинов и мешан, и дали в ней место только *царям, их придворным* и героям благородного происхождения» (изд. Солд., ч. V, стр. 12—13). В первом случае выделенные нами слова совсем исчезли из журнального

текста; во втором случае они были заменены на «вельможам» («Отеч. записки», стр. 6). В другом месте, говоря о Шекспире, автор статьи указывал, что он «выводит в своих трагедиях и *царей*, и придворных, и героев, и мужиков, и *мошенников* вместе, потому что это смешение существует в самой действительности...» (Солд., стр. 21). Цензор или Краевский исключил отсюда «царей» и «мошенников» («Отеч. записки», стр. 11), видимо, считая, что их «смешение» является неудобным. Как видим, исправления в журнальном тексте первой статьи, касающиеся «царей», идут в том же направлении, что и указанные нами ранее при рассмотрении третьей и четвертой статей. Сходные тенденции обнаруживаются и в других примерах. Нарочитое «отпущенный *холоп* Горапий» (в ст. первой, Солд., стр. 5) в журнале изменено на «...раб...» («Отеч. записки», стр. 2) — вероятно, чтобы устранить какие-либо ассоциации с русским бытом. Очевидно, неуместным (по политическим соображениям) показалось и упоминание тогдашней Австрии в числе «народов», имеющих «только внешнее историческое значение...» (ср. Солд., стр. 30; «Отеч. записки», стр. 16).

В обеих статьях имеются и примеры различных «смягчений», характерных для редакторской манеры Краевского. Так, у Белинского идет речь о «*противоборствующих*» «злу» (Солд., стр. 27), а в журнале они превращены в «противоречащих...» («Отеч. записки», стр. 14); Белинский говорит (ст. вторая) о «*полушуточном рассказе*» (Солд., стр. 60), а в журнале вместо этого «короткий пересказ...» («Отеч. записки», стр. 32).

Таким образом, в журнальной редакции еще более увеличилось число искажений (различного порядка) текста третьей и четвертой статей Белинского. С ними сходны и обнаруженные нами искажения текста первых двух статей.

4-я и 5-я («книжные») редакции

Это — позднейшие правки текста рукой Белинского (точная датировка которых пока не установлена), связанные с переработкой им ряда своих журнальных статей (в том числе и всех статей о народной поэзии) для задуманной им книги. Первое сообщение о ней было сделано в феврале 1841 г. редакцией «Отечественных записок» (т. XV, № 3), где в примечании к статье «Разделение поэзии на роды и виды» говорилось о предполагавшемся выходе, к началу 1842 г., книги Белинского «Теоретический и критический курс русской литературы», в составе которой должны были быть и разделы, озаглавленные: «*Взгляд на народную поэзию вообще; Критическое рассмотрение памятников русской народной поэзии* («Слово о полку Игоревом» и русские песни эпического и лирического содержания)...» Следовательно, третья и четвертая статьи Белинского о народной поэзии (появившиеся в журнале через несколько месяцев после этого) были написаны в исполнение этого замысла. В 1842 г. книга не вышла, но мысль о ней продолжала занимать Белинского до самой его смерти. Он неоднократно принимался за составление книги. Так, летом 1845 г. он сообщает (в рецензии на «Опыт истории русской литературы» А. Никитенко) о подготовляемой им «Критической истории русской литературы (преимущественно новой, с обзорением, в виде введения, произведений народной поэзии)» («Отеч. записки», т. XLI, № 7). На этот раз Белинский заявил, что не может сказать ничего определенного о времени выхода этого сочинения (там же). После этого он, повидимому, продолжал работать над книгой, так как 2 января 1846 г. писал А. И. Герцену: «К пасхе кончу 1 часть „Истории русской литературы“» («Письма», III, 92).

По словам Н. Х. Кетчера, «Критическую историю русской литературы» Белинский «начал составлять из прежних статей своих», «незадолго до

смерти» (Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, т. V, М., 1860, стр. 3, прим.).

В рукописи третьей и четвертой статей ясно различаются две поздние правки (которые Венгеров смешал в одну, назвав ее 5-й редакцией, см. выше, стр. 52). Одна из них сделана карандашом, другая, видимо, черной тушью, различно разведенной. Позднейшее происхождение этих правок явствует из того, что обе они не вошли в текст «Отечественных записок». Кроме того, почерк их значительно отличается от почерка 1-й редакции. То, что эти поправки произведены в разное время и что карандашная является более ранней, видно из их расположения: штрихи пером нанесены поверх карандашных.

Карандашная правка, принадлежащая Белинскому (4-я редакция), незначительна по своему объему и ограничивается несущественными изменениями основного текста; на этой стадии работы Белинский производит стилистические уточнения, добавляет примечания, подчеркивает некоторые слова и выражения основной редакции. Сюда же относится и карандашная нумерация некоторых листов рукой Белинского. Быть может, он же снимает и обозначения петита, сделанные Краевским, зачеркивает его отметки на полях и фамилии наборщиков.

Правка тушью (5-я редакция)¹⁴ сделана мелким почерком тонким (стальным) пером. По своему объему она значительно больше предыдущей и отражает существенную переработку раннего текста. В остальном она идет в том же направлении, что и карандашная, во многих случаях подтверждая ее. С этой правкой связаны значительные сокращения (Белинский вырезает порой большие куски текста и выкидывает целые листы) и известные композиционные изменения (так, песня о Самке Мушкете из четвертой статьи была перенесена в третью). Этим вызвано и появление вкладных листов и новая нумерация всех остальных.

Одной из особенностей этой редакции является большое количество поправок, состоящих в том, что «зачеркнуто слово <основной редакции>, показавшееся не вполне разборчивым, а затем надписано то же самое слово, но более тщательно» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. 159)¹⁵. Белинский имел все основания делать поправки такого рода, поскольку при наборе статей для «Отечественных записок» было допущено большое количество ошибок из-за нечеткости в рукописи. Это обстоятельство иногда очень явственно отражено в самих рукописях. В статье третьей, пересказывая былинку о Добрыне Никитиче, Белинский написал, что Добрыня «грозится Змея <Горыныча> изрубить на мелкие части пирожные» (так и в сборнике Кирши Данилова). Однако в журнале, как отметил еще Венгеров (примеч. 406), — «почему-то» напечатано «...туловище». Это произошло потому, что первая половина слова «пирожные» в рукописи вполне может быть прочитана как «туло...» Учитывая это, Белинский, при позднейшей правке, написал на полях против этого места: «пиро—+» (л. р. 64).

В другом случае (в той же статье), в изложении былинки о Соловье Будимировиче, Белинский вместо «у первого терема» ошибочно написал «у первого *дерева*». В тексте «Отечественных записок» ошибка исправлена, но в рукописи этого первоначального исправления нет. Неверное слово подчеркнуто чернилами (тонким пером) так, что черта переходит на полях в **NB**. Потом Белинский вновь подчеркнул это слово — уже карандашом. Наконец, в самой поздней редакции, — всё зачеркнул и написал сверху (тушью, пером) «терема» (л. р. 80).

Как видно из этих примеров, при подготовке текста для книги Белинский тщательно проверял его. Листы, имевшие, видимо, много исправлений, он переписывал заново (уже на другой бумаге). Однако и это ему показалось недостаточным. На полях л. 90 (ст. третья) рукой Белинского

сделана такая отметка (тонким пером): «NB для писца — [от] с начала строки». Следовательно, он предполагал предварительно отдать весь текст для переписки (Венг., прим. 442).

Другой особенностью позднейшей редакции является то, что Белинский обводит пером многие карандашные исправления и вставки Краевского. Это вызвано; очевидно, тем, что Белинский решил учесть и воспроизвести текст, уже апробированный в печати, во избежание новых исправлений.

Что касается изменений текста Белинским в «книжных» редакциях, то соответствующие варианты почти полностью приведены Венгеровым, а важнейшую их черту отметил еще Н. А. Некрасов, считавший переделку четырех рукописных листов «замечательной особенно тем, что философское направление <журнальных статей> пременяется здесь в историческое» («Записки отдела рукописей Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина», вып. 9, стр. 10).

В свете указанной эволюции Белинского любопытно то обстоятельство, что в позднейшей редакции статей он уничтожает термины: «субстанциальнее», «субстанциальность», зачеркивая первый из них (ст. четвертая, л. р. 7) и заменяя второй словами «существенность» (ст. третья, л. р. 91) и «значительность» (ст. четвертая, л. р. 54). Замененные здесь словечки, характерные для гегельянской философии, многократно употреблены Белинским, например, в статье 1841 г. «Разделение поэзии на роды и виды». Впоследствии, освободившись от увлечения гегельянством, Белинский стал избегать и этих терминов. Он едко высмеял их (в применении к гегельянцу Рётшеру) в письме к В. П. Боткину от 3 апреля 1843 г. (см. «Письма», II, 358). Со стилистической точки зрения интересно, что в позднейшей редакции Белинский уничтожает в двух местах связку «есть» (ранее довольно часто им употреблявшуюся) и заменяет слово «апогей» выражениями: «высшей степенью своего совершенства» и «крайней степенью высоты».

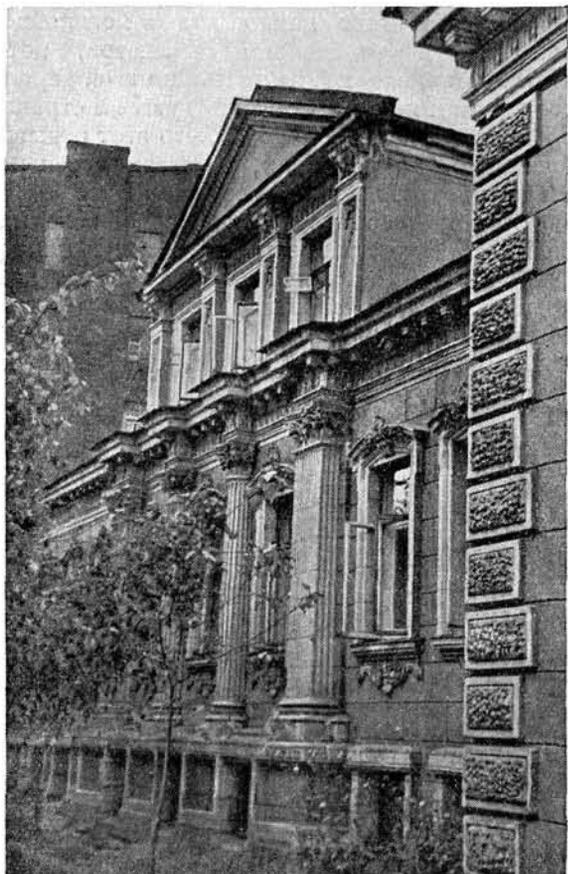
Из вариантов 5-й редакции, не отмеченных Венгеровым, можно привести следующий. Развивая положение о том, что феодализм возник путем завоевания одного племени другим (стр. 611), Белинский говорит, что покоренное племя «образовывало массу народа — плебеев [и пролет <ариев>]...» (ст. третья, л. р. 23). Мысль о пролетариате, промелькнувшая в этой связи у Белинского, — весьма знаменательна.

6-я редакция (публикация Н. Х. Кетчера)

В «Реестре бумагам, оставшимся после Белинского», составленном для Н. Х. Кетчера Некрасовым, последний упомянул, в числе уцелевших рукописей, рукописи всех четырех статей о народной поэзии, заметив при этом, что «в третьей статье не достает конца»; по его словам, первая и вторая статьи были «перебеленные и совсем приготовленные к печати, за исключением конца второй, журнальной, смысл которой должен был измениться». В этих же бумагах Белинского имелись и «черновые <рукописи> обеих статей» («Записки отдела рукописей...», вып. 9, стр. 10). Все четыре статьи были опубликованы Кетчером в Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, изд. Солдатенкова и Щепкина, т. V, М., 1860. Однако Кетчер, имевший в своем распоряжении все рукописи, использовал их — по справедливому замечанию Ефремова и Якушкина — «не вполне» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI). Сопоставляя текст издания Солдатенкова с рукописью третьей и четвертой статей, можно убедиться, что Кетчер, восстановивший по рукописи некоторые места, вычеркнутые из журнального текста, не придерживался в своей публикации какого-либо определенного принципа, но эклектически сочетал элементы всех.

ДОМ № 6 НА УЛИЦЕ ЩУКИНА
(БЫВШИЙ ЛЕВШИНСКИЙ ПЕРЕУ-
ЛОК) В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ В КОН-
ЦЕ 1834 г. У А. М. ПОЛТОРАЦКОГО
ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

предшествующих редакций. Наряду с этим, Кетчер произвольно изымал отдельные части текста, очевидно, казавшиеся ему несущественными. Кроме того, он опустил и некоторые подстрочные примечания Белинского, а оставленные включил непосредственно в текст (в скобках). Многие подчеркивания слов (даже из имеющихся в журнальном тексте) не были им приняты во внимание.

Характерной особенностью кетчеровской редакции является то, что в четвертую статью включен большой отрывок о русских сказках (стр. 204—227), отсутствующий в дошедшей до нас рукописи. Однако в ней остались следы этого исчезнувшего отрывка.

Фраза, с которой начинается 45-й лист рукописи («Теперь мы, сообразно плану нашей статьи, должны перейти к песням историческим...»), принадлежащая к 1-й (основной) редакции, зачеркнута в позднейшей правке (тушью) и заменена следующей: «От поэм и сказок самый естественный переход к историческим песням...» Эта же формулировка имеется и в издании Солдатенкова, где она следует сразу же после указанного отрывка о сказках (стр. 227). В то же время предыдущий, 44-й, лист рукописи заканчивается теми же словами, после которых в издании Солдатенкова помещен этот отрывок. Первоначальный (соответствующий основной редакции) номер 45-го листа — «46» переправлен тушью на «45», потом все это Белинским зачеркнута и рядом поставлен новый номер — «59» (эта новая нумерация продолжена и на последующих листах, почти до самого конца рукописи).

Из всего этого видно, что в позднейшей редакции в рукопись было включено дополнительно 14 листов, которые, видимо, и содержали отрывок о сказках (эти листы, по всей вероятности, были исписаны с двух сторон, так как они соответствуют 22 страницам печатного текста, частично набранного петитом). То, что этот отрывок принадлежал к позднейшей (очевидно, 5-й) редакции, подтверждается и тем, что он полностью отсутствует в журнальном тексте.

Вторая особенность кетчеровской редакции — та, что, согласно позднейшей авторской правке, песня о Самке Мушкете перенесена в третью статью.

В издании Солдатенкова отсутствуют комментарии, варианты не приводятся. Кетчер ограничился лишь кратким подстрочным примечанием общего характера.

Текст этого издания в значительной мере воспроизводит ошибки и опечатки журнальной редакции.

7-я редакция (публикация С. А. Венгерова)

Рукописи третьей и четвертой статей о народной поэзии оказались в числе тех, которые от наследников Кетчера попали к букинисту Толченову, а у последнего были приобретены бр. Солдатенковыми и затем переданы в Отдел рукописей Румянцевского музея (Венг., прим. 321). Ефремов и Якушкин, не успев подготовить эти рукописи для юбилейного издания 1898 г., решили «отложить до времени» их опубликование. К тому времени рукописи первой и второй статей были уже утрачены. Через пять лет после этого тексты третьей и четвертой статей были напечатаны с рукописи С. А. Венгерова в VI томе Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, с примечаниями, воспроизводившими многие (но далеко не все) варианты различных редакций. В разграничении последних отсутствовала, однако, необходимая четкость и определенность. Ряд исправлений (прим. 323б, 324, 344в, 422, 474 и др.) приведен без указания на их принадлежность Краевскому. В отличие от Кетчера, Венгеров придерживался, по его словам (прим. 345), «1-й редакции»; однако венгеровский текст третьей и четвертой статей является почти таким же компилятивным (по отношению к рукописным и печатным редакциям), как и кетчеровский, а венгеровский текст первой и второй статей сочетает элементы журнальной и кетчеровской редакций.

Венгеров крайне небрежно отнесся к рукописным и предшествовавшим печатным текстам и не только повторил множество их ошибок, но и допустил ряд новых. Он совершенно опустил отрывок о сказках (в четвертой статье; см. выше), даже не упомянул о нем и указал лишь на композиционную «перетасовку» в издании Солдатенкова (Венг., VI, прим. 516). Восстанавливая цензурные изъятия (не воспроизведенные Кетчером), Венгеров в то же время пропустил ряд слов и фраз, имеющих в издании Солдатенкова; из таких случаев заслуживает внимания следующий. В четвертой статье Белинский, говоря о древнем Новгороде, утверждает, что там «мужикам» не из-за чего было враждовать с боярами и дворянами, так как «при равенстве прав или совершенном отсутствии прав с той и другой стороны, и при равенстве образования, или при совершенном отсутствии всякого образования с той и другой стороны, там только бедный мог завидовать богатому, а не мужик дворянину, ибо там и мужик мог быть богаче боярина и потому больше его иметь весу на вольном вече». Выделенные нами слова отсутствуют в журнальном тексте и у Венгерова, но имеются в рукописи (л. 14) и в издании Солдатенкова.

Анализ рукописей и печатных текстов третьей и четвертой статей Белинского о народной поэзии и публикаций всех четырех статей позволяет сделать следующие выводы:

1. Подлинный текст третьей и четвертой статей во многом отличается от печатного.

2. Ряд высказываний Белинского, имеющих в рукописном (и в печатном, воспроизведенном с рукописи) тексте статей о народной поэзии, но до сих пор не учитывавшихся, свидетельствует о том, что настроения социального протеста, владевшие Белинским во время написания этих статей (осень 1841 г.), были гораздо более сильными и глубокими, чем их принято считать для этого периода его идейного развития.

3. Белинский пользовался каждым удобным случаем (не только при теоретических обобщениях, но и при пересказе тех или иных произведений народной поэзии) для обличительных замечаний, исполненных гневного пафоса или острого сарказма, по адресу самодержавно-помещичьего строя.

4. Высказывания подобного характера (так же как смелые и оригинальные мысли, касающиеся, например, отечественной истории) тщательно вытрапливались из этих статей во время двойного контроля (Краевского и цензуры), которому они подвергались.

5. Правка Краевского, помимо этого, вносила (путем различных оговорок) во многие формулировки статей нерешительность, уклончивость, расплывчатость, чуждые Белинскому.

6. Подлинный текст третьей и четвертой статей в стилистическом отношении значительно богаче и ярче печатного. В то время как Белинский стремился сделать свое изложение живым и образным, широко используя элементы разговорного языка и народной поэзии и воспроизводя речевые особенности разбираемых им произведений, — Краевский всячески приглаживал авторский текст, обедняя и обесцвечивая его язык.

7. Наконец, непонятные выражения (главным образом в фольклорных цитатах) и большую часть стилистических шероховатостей в печатном тексте третьей и четвертой статей следует отнести за счет плохого качества корректуры в «Отечественных записках» и небрежной подготовки текста последующих изданий.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. их описание в кн. «Рукописи [и переписка В. Г. Белинского. Каталог». Сост. Р. П. Маторина. М., 1948, стр. 9.

² Впервые публикуемый текст Белинского во всех случаях печатаем *курсивом*.

³ Мы пользуемся самой поздней (не принадлежащей Белинскому) порядковой нумерацией листов.

⁴ Для облегчения ориентировки в приведенных цитатах мы в ряде случаев указываем в скобках соответственные страницы по VI тому Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под ред. С. А. Венгерова. Страницы других изданий каждый раз специально оговариваются.

⁵ Слова, подчеркнутые самим Белинским, в *курсиве* выделяются *разрядкой*

⁶ Вставки, не принадлежащие Белинскому, везде обозначаем *прямой разрядкой*.

⁷ Слова, заключенные здесь в квадратные скобки, зачеркнуты самим Белинским.

⁸ Третью редакцию Ефремов и Якушкин определили, как «печатный текст журнала с изменениями и сокращениями, сделанными цензурою» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. VI).

⁹ В нижеследующем отрывке мы, чтобы не загромождать текст, не воспроизводим слов, зачеркнутых самим Белинским, которые являются несущественными стилистическими вариантами.

¹⁰ В квадратные скобки заключены журнальные изъятия, восстановленные Венгеровым (т. VI, прим. 385, 387, 388); *курсивом* выделены слова, имеющиеся в рукописи, но измененные или выброшенные уже в корректурных листах; *курсивом в квадратных скобках* обозначены слова, зачеркнутые в рукописи карандашом (Краевским?), а потом

(в позднейшей, «книжной» редакции статей) — и тушью (самим Белинским); разрядкой — карандашные вставки.

¹¹ Это — те самые «слов 8, которые, — как говорит Венгеров, — трудно разобрать» (т. VI, прим. 386).

¹² Белинский благоприятно оценил книги Сахарова с опубликованными в них «Молениями Даниила Заточника» и рядом других памятников, но разбор Белинским произведений народной поэзии многими своими сторонами противопоставлен Сахарову и другим собирателям, идеализация которыми национальной «старинь» имела реакционный характер.

¹³ См. в «Лит. наследстве», т. 57, сообщение Л. Ланского: «К критике первопечатных текстов сочинений Белинского», в котором приведен ряд искажений, вкрапившихся в текст сочинений Белинского вследствие неряшливой корректуры «Отечественных записок».

¹⁴ Правка тушью (судя по размеру и характеру почерка) сделана в несколько приемов, но хронологическое разграничение ее вряд ли возможно.

¹⁵ Редакторы юбилейного издания отметили аналогичную особенность в рукописи статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года» («Семь статей В. Г. Белинского», стр. 159).